

С другой стороны, Бай Кэ все еще подсознательно считал, что слова этого человека слишком абсурдны. Если бы он был совершенно нормальным, как он мог бы сразу же схватить совершенно незнакомого человека и назвать его учителем?

Он, Бай Кэ, прожил в этом мире восемнадцать лет, и его память была цела, а у него был отец, который, судя по всему, был человеком. Где он мог пять тысяч лет назад взять такого невероятного ученика?

Результатом смешения этих двух мыслей стало то, что Бай Кэ принял происхождение, о котором говорил Цзюньсяо, но все еще считал его психически нездоровым. Возможно, как в тех легендах и историях, он сошел с ума от практики? Настолько, что его разум был не совсем ясен, и он даже перепутал своего учителя, поэтому и последовал за ним.

— Я не он, — Бай Кэ с некоторой долей сожаления произнес.

Цзюньсяо посмотрел на него, но не стал спорить, просто молча опустил глаза, думая о чем-то.

Бай Кэ подумал: «...» Почему вдруг появилось чувство вины?!

Линь Цзе, однако, словно страдал от нервного тика, яростно ковырял в ухе, и только через некоторое время, с выражением, будто его ударило молнией, указал на Бай Кэ и спросил Цзюньсяо:

— Учитель, что вы только что сказали про него?

— Ничего, — Цзюньсяо поднял глаза, окинул взглядом весь двор и сменил тему. — В какой комнате ты живешь?

Он не просто так задал этот вопрос, ведь три комнаты во дворе выглядели одинаково, и ни одна из них не казалась давно необитаемой.

— О-о, это моя, — Линь Цзе вдруг вспомнил что-то и подскочил. — Комната рядом с бамбуком и та, что за каменным колодцем, пустуют. Двор довольно маленький, и комнаты тоже небольшие, в спальнях нельзя добавить кровати, так что двоим придется потесниться в одной. Может быть...

Он оглядел всех четверых и решил, что он самый маленький и худой, Бай Кэ, хотя и высокий и стройный, еще не до конца вырос, и по сравнению с Бай Цзысюем и Хо Цзюньсяо его фигура была более хрупкой. Им было бы удобнее всего разместиться вместе.

Но прежде чем он успел закончить, Цзюньсяо сказал:

— Не спеши.

Не спеши?

Значит, решит, когда придет время спать?

Линь Цзе был сбит с толку, но раз учитель так сказал, он не мог не подчиниться. Поэтому он снова услужливо кивнул:

— Хорошо, тогда сначала давайте приведем комнаты в порядок. Э-э-э... Подождите немного, я сейчас уберу хлам из тех двух комнат.

— Разве они не пустые? — удивился Бай Кэ.

— Ну... Я кое-что туда положил, — Линь Цзе почесал затылок. — Я думал, что двор будет пустовать долго, ведь Врата Хэнтянь уже десять лет не принимают учеников.

Бай Кэ кивнул, считая это понятным:

— Давайте уберем вместе.

С этими словами он первым направился к ближайшей комнате у бамбука.

— Эй! — Линь Цзе не успел остановить их, как трое уже уверенно подошли к двери той комнаты и с скрипом открыли ее.

Бай Кэ задумался: «...»

Цзюньсяо задумался: «...»

Бай Цзысуй заглянул внутрь, затем повернулся к поспешно подошедшему Линь Цзе и поднял большой палец:

— Мастер. Дорогой ученик, ты что, всю библиотеку вашей секты сюда перетащил? И даже не убрал, все выглядит, будто после землетрясения... Тьфу-тьфу.

— Какой к чёрту «послушный ученик»! — Линь Цзе молча сглотнул обиду, желая плюнуть этому наглецу в лицо, но, учитывая, что это отец Бай Кэ, он снова проглотил свои слова.

Глядя на столы, стулья, подставки и даже пол в комнате, заваленные книгами, Бай Кэ впервые почувствовал нечто вроде уважения к Линь Цзе:

— Не ожидал, что ты такой любитель книг.

Линь Цзе снова сглотнул обиду:

«...» Что значит «не ожидал»?

После этого он объяснил:

— Это книги, которые я переписывал, когда не успевал выполнить задания и меня наказывали.

Бай Кэ мгновенно потерял всякое уважение.

Тем временем Цзюньсяо уже вошел в комнату, взял с стола книгу и начал ее листать:

— Ты все это читал?

— Конечно нет, — Линь Цзе стал подбирать с пола переписанные книги, объясняя. — Некоторые слишком скучные или сложные, я их просто переписывал, не вникая. Часть из них переписал за меня друг, он умеет подделывать почерк, и каждый раз, когда я отправлял их на проверку учителю... Хун Сяню, он не замечал подделки. Только те, что я понимал, подходящие для моего уровня, и интересные, я перечитывал несколько раз, а некоторые даже сотни раз.

Он взглянул на книгу в руках Цзюньсяо:

— Например, та, что у вас в руках, я читал больше двадцати раз.

Бай Кэ, убирая стол, подошел к Цзюньсяо, взял книгу и посмотрел на обложку.

На простой самодельной обложке было написано четыре иероглифа: «Записки Наньхуа».

Наньхуа?

Первой реакцией Бай Кэ было то, что это слово показалось ему знакомым, и он тут же вспомнил, что Цзюньсяо говорил, что стал учеником в третий год эры Наньхуа, что было уже более пяти тысяч лет назад... Неужели этот Наньхуа и Наньхуа, о котором говорил Цзюньсяо, — одно и то же?

Как только этот вопрос возник у него в голове, он услышал, как Линь Цзе, держа в одной руке стопку книг, другой жестикулировал, словно актер в опере, и сделал величественный жест, шагнув вперед:

— Наньхуа — это эпоха, которой я больше всего восхищаюсь. Это было время, когда бессмертные, демоны, духи и монстры собирались вместе, время бурь и потрясений. Люди и события той эпохи стали легендами для нынешних практикующих.

Бай Кэ инстинктивно посмотрел на реакцию Цзюньсяо, но тот, казалось, не слышал слов Линь Цзе, спокойно и молча листая «Записки Наньхуа».

Он читал быстро, его тонкие пальцы уже держали следующую страницу, пока он просматривал текущую, и, едва закончив, переворачивал страницу.

Тем временем Линь Цзе, говоря о эпохе Наньхуа, становился все более возбужденным и начал болтать без остановки.

— Хотя Врата Юйшэн сейчас находятся в упадке, в те времена они были выдающейся сектой. Юньчжэн, Юнь Шэнь и Юньяо — три великих мастера — все были из Врат Юйшэн. Среди героев той эпохи больше всего я восхищаюсь мастером Юньчжэном. Если бы я мог увидеть, как он в одиночку убил двенадцать кровавых демонов в Гуйлине и трижды отразил атаки могущественных демонических культиваторов в городе Минь, спасая жизни десятков тысяч людей, я бы мог спокойно умереть!

Бай Кэ задумался: «...» Что за странные сравнения.

— Но глава Врат Юйшэн был еще сильнее, это... — Линь Цзе на мгновение запнулся, словно не зная, как выразить свои мысли. — Короче, это были боги, не то, что мы, простые смертные. И после той эпохи больше не появлялось таких выдающихся личностей. Возможно, духовной энергии в мире стало меньше, люди стали более поверхностными, и даже практикующие не исключение. Да и талантов с такими корнями и костями, как у них, теперь не найти. Все, что достигает вершины, неизбежно падает, и наоборот.

Линь Цзе закончил свою речь, на мгновение опустив голову, словно скорбя о чем-то, что Бай Кэ не мог понять.

Но закончив скорбеть, он снова стал услужливым и подбежал к столу, спросив Цзюньсяо:

— Второй учитель, вы слышали о событиях той эпохи? Вы были близки к тому времени? Я могу узнать о тех временах только из книг, и, вероятно, это лишь треть правды.

Бай Кэ тоже посмотрел на Цзюньсяо, ожидая его реакции.

Но Цзюньсяо, закончив читать последнюю страницу «Записок Наньхуа», поднял книгу, без эмоций посмотрел на Линь Цзе и спросил:

— Ты узнал обо всем этом из этих книг?

Линь Цзе кивнул, как клевал зерно.

Цзюньсяо, не меняя выражения лица, кратко произнес:

— Чушь собачья, полный бред.

Бай Кэ едва сдержал улыбку.

Он видел, как Цзюньсяо встряхнул книгу за уголок, и, несмотря на отсутствие эмоций, в его жестах чувствовалось явное презрение. Он взял книгу и начал ее листать.

Его глаза справлялись с повседневными задачами, но чтение давалось ему с трудом, контуры иероглифов были куда более размытыми, чем у обычных предметов.

<http://bllate.org/book/16844/1549916>